

Жизнь с оглядкой, Ъ-Огонек

Поиск исторических аналогий нынешним катаклизмам захлестнул отечество. В былых рецептах ищут выход из трудностей политики, экономисты, обыватели. Так бывает, когда в обществе пропадает ощущение стабильности и растет тревога за близкое будущее, перспективы которого для граждан не ясны. Но от этого состояния, как выяснил "Огонек", история не лечит

Искать аналоги происходящему сегодня в прошлом стало своего рода модой. А глубокомысленная фраза "история России ходит по кругу" превратилась в расхожий постулат. Смущает только одно: похожее ищут одновременно в самых разных эпохах. Если говорят о текущих экономических скорбях, например, то чаще всего поминают Великую депрессию начала прошлого века. А в контексте разговоров о политике в ходу ссылки на период Крымской кампании из века позапрошлого.

Есть ли, кроме моды, хоть какой-то научный смысл в таких сравнениях? Чему реально история может научить? Об этом "Огонек" расспрашивал Николая Диденко, доктора экономических наук, профессора, заведующего кафедрой мировой экономики Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

— Николай Иванович, исторические аналогии в экономике возможны?

— В экономике есть элементы, повторяющиеся время от времени,— от создания "финансовых пирамид" до попыток отдельных государств решить свои экономические проблемы за счет других государств. Но, скорее, тут речь идет о закономерностях, а не об аналогиях. Для аналогий нужно совпадение большинства показателей, а даже в кризисы похожи один-два параметра.

— Иными словами, нынешнюю ситуацию нельзя сравнивать, хотя это часто делают, с Великой депрессией?

— Великая депрессия стоит особняком в череде кризисов. Она водораздел в истории мировой экономики. До 1929 года бизнес любой страны мог самостоятельно выйти из кризиса. После этой "черной даты" сие уже никому самостоятельно не удавалось, требовалась помощь государства. И с тех пор выйти из кризиса можно только так. Кроме того, после Великой депрессии (и уже точно после Второй мировой войны) в мире исчезают "островки стабильности" — экономики, не тронутые кризисом, где капиталы и бизнес могли бы "отсидеться". Сегодня о них можно разве что мечтать: кризисы перескакивают из страны в страну, как вирус гриппа, от них не скрыться нигде, и это результат глобализации экономики.

— И все же что-то общее в кризисах есть?

— Есть закономерности. Например, тот факт, что всякий кризис сопровождается спадом производства. Разница в масштабах: в 1929-м спад был в разы мощнее, чем в 2008-2009 годах. С другой стороны, за те 200 лет, что ученые анализируют кризисы, ни разу не случилось такого, чтобы большинство параметров экономических циклов совпали бы. Но одну закономерность все же выявили: аналитики Международного валютного фонда (МВФ) доказали, что с 1625 года цены на сырьевые товары и товары первого технологического передела (первичная обработка сырья)... растут. Пусть вас не обманывает резкое снижение цен на нефть, которое мы наблюдаем сегодня, в длительной перспективе все цены растут. Мировой тренд — на повышение. Но вот незадача: на сырье цены растут медленнее, чем на инновационную продукцию. То есть сырьевые экономики (считай, Россия), чтобы получить одну единицу импорта, равную по стоимости той, что получают страны, продающие инновационные товары, вынуждены увеличивать год от года объемы своего экспорта. И все равно они проигрывают развитым экономикам тысячи миллиардов долларов ежегодно. И каждый год разрыв лишь увеличивается.

— Исторические аналогии или закономерности развития помогают делать прогнозы?

— После Великой депрессии прогнозы делать невозможно. Нельзя сказать, чтобы ученые это сделать не пытались, но даже построение математических моделей поведения или расчет индикаторов рынка не дает нужный результат из-за того, что парочка важнейших параметров не поддается расчету.

— Какие же?

— Инновационно-технологическое развитие мировой экономики (смена технологического уклада) и институциональный (действия властей). Сложности с предсказуемостью воздействия такого фактора, как смена технологического уклада, связана с тем, что процесс появления ноу-хау идет не постепенно, а скачками. Весь вопрос: каков интервал? Еще в 20-е годы XX века российский ученый Николай Кондратьев предложил свой вариант "цикла" — 45-40 лет. Но он не единственный: есть еще волны Семена Кузнецова (нобелевского лауреата) — 15-25 лет, а также циклы Жюгляра (7-11 лет) и Китчина (3-4 года). И у каждого свое обоснование правильности расчета. В любом случае очевидно: коллапса в мировой экономике ждать не следует — как бы ни было плохо, выплывем. В экономике революций не будет. Статистика свидетельствует: каждая страна, даже самая бедная, удваивает свой ВВП. Вся проблема в том, кому и сколько на это требуется времени. США, например, способны удвоить ВВП за 30 лет, Россия — за 70 лет, Южная Корея — за 23 года, а Сомали — за 540 лет. Иными словами, какие-то страны будут расти быстро, другие — едва-едва, третьи и вовсе тормозят в развитии.

— А продолжительность кризисов прошлого и дня сегодняшнего совпадает?

— Нет, как и не совпадает интервал между ними. Скажем так: год от года он становится все короче. По хорошему счету, мы начинаем жить в перманентном кризисе. Но чем дальше, тем меньше мы будем замечать, где кончается кризис и начинается рост.

— А "лечение" кризиса? Рецепты ведь повторяются...

— До Великой депрессии или после нее? До 1929-1933 годов, например, власть слушалась главным образом заветов Адама Смита — о роли свободного рынка, или, как любил говорить Егор Гайдар, "невидимой руке рынка", которая сама все отрегулирует, важно лишь не мешать. После Великой депрессии больше доверялись уже теории Кейнса, утверждавшего, что государству необходимо вмешиваться в экономику, ибо бизнес сам из кризиса не выйдет. Так что рецепты "лечения" с 30-х годов и по нынешний день одни и те же: поддержка банков, снижение налогов для населения и бизнеса, поддержка новых отраслей и развитие инфраструктуры (строительство дорог, например) за счет бюджетных средств.

— Но все это не сильно помогает. Сегодня вот валюта пляшет. Не только рубль — любая, по сути...

— Тут проблема не в отсутствии аналогов и закономерностей и даже не в сложности подсчетов, а в сути. Мировой валютной системы сегодня просто не существует. Ни одна валюта ничем не подкреплена. Когда-то давно за бумажными купюрами стояло золото. В 1944 году систему "золотого стандарта" сменила Бреттон-Вудская система, согласно которой доллар наряду с золотом стал мировой валютой. В 1971-1978 годах появилась Ямайская система, основанная на свободной конвертации валют. И что теперь? Предложения самые разные — от создания мирового правительства до возвращения золотого стандарта. Очевидно, что спекулятивный капитал следует облагать налогом. Но как в итоге все обернется, сказать не берусь. А вообще-то развитие финансовой системы как раз после Великой депрессии дало заметный крен: она все больше отделялась от реального сектора экономики, хотя изначально создавалась ради его обслуживания. С начала 30-х годов прошлого века деньги стали работать в основном на себя....

— Но люди-то в целом стали жить с той поры лучше, например по уровню бедности.

— До Великой депрессии он был существенно выше, но тогда и экономические системы были устойчивее. Сегодня все с точностью до наоборот: системы менее устойчивы, их лихорадит, хотя процент бедных ниже, чем 100, а тем более 200 лет назад. Экономическое расслоение показывает такой параметр, как коэффициент Джинни. Он измеряется в диапазоне от 0 до 1 (чем ближе к единице, тем большая часть доходов сосредоточена в руках меньшей группы населения). Есть и иной способ: можно взять 10 процентов от доходов самых богатых, разделить на 10 процентов доходов от самых бедных... Благополучной в этом случае считается страна, если результат равен шести или меньше.

— И сколько в России?

— Порядка 25-30. Но расслоение по достатку сегодня углубилось в мире повсеместно. Долгое время скандинавские страны составляли исключение, но сейчас и они перестали выбиваться из коллектива. Расклад удручающий: 1,5 млрд населения Земли живет на 1 доллар в сутки, 2,5 млрд — на 2 доллара. Им противостоит "золотой миллиард" развитых стран. А оставшиеся 1,5-2 млрд, включая и нас, мечутся между этими полюсами. Так что если нас и ждет коллапс, то не в сфере экономики, а в социальной жизни. Но это прогноз — никаких параллелей на этот счет в истории нет.

[Ъ-Огонек. Светлана Сухова](#)

Дата публикации: 2015.09.11

>>Перейти к новости

>>Перейти ко всем новостям